

ждении проекта резолюции от имени межрайонного комитета, естественно, руководствовался этими положениями, что и позволяет понять содержание записей его выступления. После соответствующих пометок записей приобретает следующий вид:

«Юренин. [Проектом резолюции] не удовлетворен. Ведь правительство сделало многое [для того, чтобы] продвигать войну. Свои намерения оно [тайт, но] [это] реакционный признак. Нас слышит наша здесь [проникается и том, что не говорите об этом]. Д[олжна] с[к]звать. — [надо] организовать давление на правительство], чтобы [его первый шаг не был] последним. Вопрос о конце [революции]. За некоторыми поправками [конец] м[ожет] б[ыть] и приемлем. Представьте себе, ч[то] правительств[а] стран [Зап[адной] Е[вропы] не желают [отнестись на мирное предложение] Временного правительства. В этом отношении и проекте резолюции] недостаточность. Внести поправку о дальнейших шагах [на такой случай]. Анализируют [к народам воюющих стран], чтобы [они] сделали то же, ч[то] и мы».

Трудности прочтения черновых записей делают тем настоятельней необходимость их публикации, этих ценнейших источников по истории Петроградского Совета в 1917 г.

Г. А. СОВОЛЕВ

ПИСЬМА В ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ В 1917 г.

Среди многих источников, на основании которых можно судить о духовном состоянии общества, особое место занимают письма современников. Они дают исследователю богатую возможность для изучения психологического климата интересующей его эпохи, представлений, настроений, потребностей и устремлений социальных классов и групп.

С этой точки зрения чрезвычайно интересны письма участников революционных событий в России в 1917 г., которые, несмотря на всю их значимость, не стали еще предметом тщательного анализа историков. В лучшем случае письма приваиваются авторами книг и статей для иллюстрации отдельных положений. Возможно, это происходит потому, что письма представляются менее собирательным и обобщенным источником, чем, например, протоколы и резолюции митингов и собраний фабрик, заводов и повивных частей, а также другие документы массовых революционных организаций.

Другая, более важная причина, по которой письма участников революции 1917 г. мало используются в нашей литературе, состоит в том, что большинство этих ценных писем, хранящихся в центральных и местных архивах, до сих пор не издано. Что же касается вышедших из печати писем, то 128 солдатских писем из фонда Секретариата ВЦИК и его военного отдела, опубликованные О. Н. Чудаевой в 1927 г.,¹ 99 писем солдат и матросов в редакции большевистских газет, изданные в 1933 г. А. Ф. Ильиным-Женевским,² отдельные, наиболее яркие письма рабочих, солдат и крестьян, помещенные в многотомной документальной серии «Великая Октябрьская социалистическая революция», и «Переписке Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», в сборниках документов по истории Октябрьской революции на местах и в некоторых др., не могут дать достаточно полного представления о всем богатстве и многообразии этого вида источника.

В период бурных революционных событий 1917 г. большой поток писем с фабрик и заводов, из деревень и сел, окопов, казарм и кораблей поступал в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, редакции «Известий», «Правды» и других газет. По свидетельству А. Ф. Ильина-Женевского, в редакции большевистских газет писем приходило огромное количество; и то время лишь некоторые из них были напечатаны, а остальные хранились в архиве.³ В силу самых разных причин многие письма оказались утраченными, однако значительная их часть хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР (фонды ВЦИК Советов I и II созыва, №№ 1235, 6978; ф. редакции «Известий», № 1244), в Ленинградском государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ф. Петроградского Совета, №№ 1000 и 7384) и других архивах.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, возникший в ходе Февральской революции, стал для трудящихся масс символом свободы. Вот почему с первых же дней революции в Совет стали поступать сотни и тысячи писем. «Ради свободы принайте агитаторов и распоряжений!» — писали в марте 1917 г. рижские рабочие в Петроградский Совет.⁴ «Просим Вас влезать для (установления) нового режима», — обращались к Петроград-

¹ Солдатские письма 1917 года. Подготовлены к печати О. Н. Чудаевой. М.—Л., 1927.

² А. Ф. Ильин-Женевский. Почему солдаты и матросы стали под знаменем Октября (Письма солдат и матросов в редакции большевистских газет 1917 года). Л., 1933.

³ Там же, стр. 7.

⁴ ЦГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 176, л. 4 об.

скому Совету рабочие железнодорожной станции Острол.⁵ Рабочий из Берднска писал: «На газетных сообщениях вижу, что Совет имеет решительное влияние на утверждение нового строя, а потому обращаюсь к нему».⁶ Интересно, что иногда письма адресовались непосредственно петроградским рабочим, что свидетельствовало об их огромном авторитете среди трудящихся России. Особым увлечением пользовались рабочие Путиловского завода. «Обращаемся именно к Вам, путиловцам, ибо считаем Вас за самых серьезных и желающих добра нашей дорогой матушке России», писали солдаты 150-го Таманского полка в марте 1917 г.⁷ «Путиловцы всегда были головной работой», — замечал в своем письме солдат Н. Прокоп.⁸ К путиловским рабочим обращается житель кубанского села Н. Г. Савичев с просьбой о присылке материалов «для расширения и укрепления новых начал» среди своих односельчан.⁹

Среди корреспондентов Петроградского Совета были рабочие, солдаты, крестьяне, представители интеллигенции и просто обыватели. Многие письма принадлежат почти неграмотным людям, часто они написаны на клочках бумаги большими неровными буквами. Значительная часть писем написана от имени группы лиц, а нередко письма и вовсе не подписаны. Во многих случаях письма не датированы, и установить время их написания можно либо по содержанию, либо по стилю.

Лишь немногие из писем, поступивших в Петроградский Совет, были опубликованы в его печатном органе «Нашествие». Не случайно в ряде писем и Совет ставился один и тот же вопрос: «Почему Вы не помещаете наших писем в газете?»¹⁰ Однако все эти письма были просмотрены, на большинство из них пометено: «политическое настроение», «важно», «снимать», «в архив»; лишь нередко можно встретить помету: «в печать». Как показала весь ход последующих событий, прогрессивнейшие лидеры Советов не захотели считаться с основными требованиями народных масс, которые они выдвигали, в частности, и в своих письмах.

Внимательное изучение писем современников Октябрьской революции позволяет углубить наше представление о том, чем жили и как мыслили миллионы простых граждан России в 1917 г. В каждом письме, несмотря на всю индивидуальность его автора, перед нами выступает личность, на поведении и образе мыслей которой сказывается влияние определенного класса, социальной группы и коллектива. В этих письмах выражена самая сосре-

⁵ Там же, л. 249.

⁶ Там же, л. 56.

⁷ ЦГАОРСС, ф. 104, оп. 1, д. 29, л. 10.

⁸ ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 299, л. 246.

⁹ ЦГАОРСС, ф. 104, оп. 1, д. 20, л. 9 об.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 50, л. 79.

ленные желания и чаяния народных масс подчас более прямо и непосредственно, чем в документах массовых революционных организаций.

При ближайшем рассмотрении в письмах, направленных рабочими, солдатами в крестьянами в Петроградский Совет, отчетливо обнаруживаются психологии различных классов и групп, влияющие экономических, политических и идеологических условий на сознание трудящихся, непосредственный отклик на происходившие события. Письма помогают проследить, как менялись и развивались в 1917 г. в России традиции, привычки, нравы, настроения, интересы революционных масс.

Характерно, что авторы многих писем пытаются осмыслить настроение различных классов и групп. Интересный рабочий ставит вопрос о связи революции с разрешением коренных нужд трудящихся: «Товарищи, время не ждет, настроение Петрограда унылое... Не забудьте, товарищи, что столица дает тон стране, так пусть этот тон не будет унылым».¹¹ В письмах заметно стремление осознать новое общественное положение различных групп. «От старых порядков, от старого уклада жизни, при котором страна задыхалась в невежестве и темноте, — пишет другой корреспондент Петроградского Совета, — остался гиплостный следы. Трудно сразу включиться от болезни, многие на нас не привыкли к общественной деятельности, потому что царское правительство не давало ее делать. Многие не привыкли связывать свои личные интересы с интересом общественности».¹²

Сторонники Временного правительства с тревогой наблюдали за теми сдвигами, которые происходили в сознании трудящихся масс в процессе развития революции. Один из них прямо пишет, что его больше всего «смущает психологии людей текущего момента и психологии этих людей до переморота. С революцией выскыли наружку стихийные силы народа... Но, вот беда, при революции эти стихийные силы народа находятся в каком-то кошмаре, и этот кошмар актуализирует государственный разум народа».¹³

Однако если мы обратимся к письмам представителей трудящихся масс России в 1917 г. и попытаемся определить то общее, что их объединяет, то прежде всего должно отметить тот замечательный факт, о котором в апреле 1917 г. писал В. И. Ленин: «Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десяти лет, политически забытые ужасным востом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, проснулись и потянулись к политике».¹⁴

¹¹ ЦГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 130, л. 65.

¹² Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 24 марта, № 23.

¹³ ЦГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 176, лл. 231—234.

¹⁴ В. И. Ленин и др. Полит. собр. соч., т. 31, стр. 156.

Несмотря на чрезвычайно широкий круг вопросов, поднимавшихся в письмах, адресованных Петроградскому Совету, подавляющее большинство из них проникнуто заботой о судьбах революции, горячим желанием принять в ней активное участие. Замечательные революционными событиями, рабочие Петрограда и солдаты петроградского гарнизона, направляясь в деревню на полевые работы, и командировки и краткосрочные отпуска, требуют от Совета директив по революционному преобразованию деревни, хотят приложить добросовестные свои познания и пользу общему делу».¹⁵

Одним из самых ярких примеров того, как трудящиеся массы потянулись после Февральской революции к политике, может служить письмо полуграмотного рабочего Обуховского завода Т. П. Аненикина, направленное им в апреле 1917 г. «в Исполнительный Комитет рабочих и солдатских депутатов Государственной думы» (!). Он сообщает, что, по полученным им от крестьян Хлястовской волости Могилевской губернии сведениям, помещик продолжает рубить лес и после революции, что, по его мнению, незаконно, потому он требует наложить арест на заготовленный после революции материал.¹⁶ Рабочий Путиловского завода П. Овсепкин, обращаясь в газете «Правда», как в «аппелляцию всего пролетариата и крестьянства», укалывает на «свои мучительная фазы» — у крестьян отбирают хлеб.¹⁷

Преобладание общественного интереса весьма характерно для писем современников 1917 г. Даже наиболее отсталые и политически оторванные слои населения обращаются в Совет с основными предложениями. Петроградский дворник, например, выступает против разбазаривания «казенного (бывшего), плена (вашего), национального топлива».¹⁸ Простая работница одной из петроградских фабрик в первое же дни революции требует «скаждички пермирийский вечный мир... Войну начали цари, рабочему она не нужна, вот почему ее нужно бойкотить, употребив все средства для заключения вечного мира».¹⁹

Вопрос о войне и мире был одним из главных вопросов, который ставился авторами почти всех писем, адресованных Петроградскому Совету. Понимание и решение массами этой важнейшей проблемы зависело от целого ряда важных причин и в первую очередь от социального опыта, сознательности, организованности.

Значительная часть солдатских писем, поступавших в Петроградский Совет сразу же после свержения самодержавия, отражает настроения революционного оборончества, доверчиво бес-

¹⁵ ДГАОРСС, ф. 7385, оп. 9, д. 179, л. 6 об. и др.

¹⁶ ДГАОРСС, ф. 4000, оп. 1, д. 22, л. 119 и об.

¹⁷ ДГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 147, л. 11.

¹⁸ Там же, д. 176, л. 15 об.

¹⁹ Там же, д. 183, л. 220.

сознательное отношение масс к Временному правительству. Огромная неапатия к старому строю и его институтам, демократические преобразования, революционной энтузиазм, классовая ограниченность солдат, в большинстве своем крестьян, одетых в шинели, обусловили преобладание среди них мелкобуржуазных взглядов на политику. Как показывают многие письма, не искушенные в политике массы России восприняли в первое время спешившуюся буржуазно-демократическую революцию как переход власти в руки народа.²⁰ Резкие перемены, произошедшие в правовом положении солдата, укрепили в нем это мнение. «Хотя еще есть старина в батареях старого режима, — писал в апреле 1917 г. солдат Луцкого гарнизона П. И. Демисов, — но постарайся, шаметем прочь, а все-таки несравненно лучше стало: задумал хотя бы я, например, вот свою заметку послать в редакцию, и можно надеяться, что будет проведено».²¹

В результате возникшего в стране двоевластия у отсталых масс сложилось впечатление, что за установление демократических свобод и выполнение главных требований масс в равной мере с Петроградским Советом рабочим и солдатских депутатов выступает и Временное буржуазное правительство, поскольку они осуществили новые органы власти. В этом отношении показателем такой детали в первое время письма Временному правительству направлялись рабочими и солдатами через Петроградский Совет. Даже многие из тех, кто в своих письмах требовал прекращения войны, обращались одновременно и к Петроградскому Совету, и к Временному правительству.²² Характерно также, что воззвание Петроградского Совета «К народам всего мира», опубликованное 15 марта 1917 г. в «Известиях», воспринимается в ряде писем с фронта как совместный акт Совета и Временного правительства. Солдат действующей армии Г. Михайлов, например, пишет: «Приветствую записки Совета рабочих и солдатских депутатов и Временного правительства о том, что мы чужды всякие захватные планы и они не мечтают о завоевании чужих территорий».²³

Страстно желая окончить войну и вместе с тем не зная, как это сделать, солдаты поддаются на черных полах революционной фразеологии серо-желтых и белых лидеров Совета, о чем, в частности, свидетельствуют и упомянутые выше письма и связи с возникшем Петроградским Советом «К народам всего мира». Группа солдат 202-го Гурьевского пехотного полка, обращаясь в марте 1917 г. к Петроградскому Совету, просит авторитетных указаний Совета о том, какую позицию занять по отношению

²⁰ Там же, д. 176, лл. 12—13.

²¹ Там же, л. 97.

²² Там же, д. 148, лл. 78—79.

²³ Там же, д. 159, л. 81.

к войне.²⁴ «Мы, солдаты, после тяжелой службы, — писали солдаты 164-го Закавказского полка, — теперь мы вдохнули свободно и шаем, за что мы боремся, что по за царя, а за свободную Россию».²⁵ Победоносное завершение войны рассматривается во многих письмах как непеременимое условие для развития классовой борьбы в стране, на заводах и фабриках, в деревне. Солдаты прожекторной роты 33-го кавалерийского батальона, и большинство рабочих, отмечали в своем письме, что, возвратившись после победоносной войны к своим станкам, они опять будут «бороться во имя тех великих целей, которые всегда стояли на знамени рабочего класса».²⁶ В одном из писем с фронта солдаты крестьяне прямо заявили: «Подан бог, только победить нам внешнего врага, а потом мы возьмем за внутренних, т. е. за помещиков».²⁷

Однако очень скоро рабочие и солдаты начинают освобождаться от узора революционного оборончества. Еще в марте 1917 г. Петроградская почтовая цензура была вынуждена признать, что «из Петрограда понападают письма от рабочих с призывом к прекращению войны, „которая только выгодна для буржуазных классов“».²⁸ Сложнее было разобратся в политической обстановке солдатам, находившимся на фронте и недостаточной информированным о происходящих событиях. «Минувшие возможности получать ясные руководящие указания, инстинктивно чувствующие фальшь и неудовлетворительность позиций официальных вождей демократии, — писал В. И. Ленин, — массы принуждены *оцнать сами искать пути...*»²⁹ Эта ленинская мысль находит свое подтверждение в многочисленных солдатских письмах с фронта. Группа солдат 41-го пехотного саптарно автомобильного батальона, обращаясь в марте 1917 г. к Петроградскому Совету, просит о присылке газет «Известия» и «Правда», которые помогут им разобратся в политической жизни страны и выработать свое, «сознательное», отношение к войне.³⁰ Все чаще и чаще с фронта раздаются голоса: «Надо посмотреть, кто кричит до полной победы».³¹ Только в мае 1917 г. цензура 5-й армии насчитала 12413 «пораженческих писем».³²

Убеждать на собственном опыте в контрреволюционной политике Временного правительства и лево-меньшевистских вождей, солдатские массы все отчетливее начинают сознавать, и чьях

²⁴ Там же, д. 255, л. 63.

²⁵ ЦГАОРХ, ф. 101, оп. 1, д. 29, лл. 75—76.

²⁶ ЦГАОРХ, ф. 1000, оп. 1, д. 22, л. 32.

²⁷ ЦГАОРХ, ф. 7384, оп. 9, л. 245, л. 29.

²⁸ ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 5, л. 28, лл. 41, 15.

²⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 255.

³⁰ ЦГАОРХ, ф. 7384, оп. 9, д. 179, л. 12.

³¹ Там же, д. 274, л. 159.

³² Солдатские письма 1917 года, стр. 12.

интересах ведется война. Солдаты 433-го Новгородского пехотного полка прямо заявили: «Нам, пролетариату, не надо завоеваний и порабощения. Это только нужно нашей буржуазии».³² На вопрос, почему не нужно идти в наступление, солдат 696-го пехотного полка С. И. Корочкин отвечал: «Все полки на мучилась, война подошла, цели войны не выяснены, все против нас, что война идет в интересах буржуазии».³⁴ Многочисленные солдатские письма, поступавшие на имя Петроградского Совета и ВЦИК Советов летом 1917 г., показывают, что в это время солдатские массы, окончательно убедившись в империалистическом характере продолжавшейся войны, открыто выступают против ее продолжения, против захватнических устремлений воюющих держав. Солдаты Духовичского пехотного полка выступают за окончание войны демократическим миром, за создание независимого Польского государства.³⁵ «Нам не нужна Дарданеллы, когда Варнава подошла», — замечает в своем письме один из солдат Юго-западного фронта.³⁶

Если в первое время в силу целого ряда причин (преобладание мелкобуржуазных взглядов на политику, недостаточное знание происходящих событий, нескритическое восприятие информации и др.) значительная часть рабочих, крестьян и солдат была введена в заблуждение революционной фразеологией Временного правительства и жероменишевистских лидеров Советов, то с лета 1917 г., как это хорошо видно из вышесказанного, в сознании простых людей наступает перелом. По выражению одного из авторов письма, солдаты «заболели миром»,³⁷ пропаганда мира встречает всеобщее сочувствие, теперь ее нельзя принижать большевикам, как раньше пытались это сделать руководители мелкобуржуазных партий. С фронта, из городов, сел и деревень шли тысячи антивоенных писем, в которых часто была одна единственная фраза: «Товарищи, нам надо во что бы то ни стало кончать войну».³⁸ Теперь уже нельзя обмануть массы призывами о необходимости вести войну ради энциклопедии свободы. «Ни к чему мне эта свобода, да будь она проклята с Вами вместе, если мне приходится целую неделю обходиться без хлеба и голодному дождаться сытия», — писал анонимный автор из Петрограда.³⁹ «Если не будет в скором времени мира, какого бы то ни было, то лопнет все наша свобода», — заявил в своем письме солдат 318-го Черноворского стрелкового полка П. Глушко.⁴⁰

³² ЦГАОПС, ф. 401, оп. 1, д. 29, л. 38 и об.

³³ ЦГАОП, ф. 1235, оп. 78, л. 37, л. 108 об.

³⁴ ЦГАОПС, ф. 7384, оп. 9, л. 245, л. 205 об.

³⁵ Там же, л. 157 об.

³⁶ ЦГАОП, ф. 1235, оп. 78, л. 57, л. 149.

³⁷ Там же, л. 61, л. 328.

³⁸ ЦГАОПС, ф. 7384, оп. 9, л. 244, л. 36 об.

³⁹ ЦГАОП, ф. 1235, оп. 78, л. 509, л. 202.

Более того, именно в окончании войны многие солдаты видели теперь единственное средство сохранить завоеванную свободу и добиться удовлетворения своих требований. «Закончить войну, закрепить дорожную свободу, чтоб никто не мог шарвать ее из рук наших, а после миру со свободой в руках мы сумеем добыть землю», — писал солдат-крестьянин 12-й армии.⁴¹

Характерно, что от просьб «похлопотать насчет мира» солдаты переходят к решительным требованиям закончить с войной. В противном случае, предупреждали во многих письмах солдаты, дело дойдет до того, что они оставят позиции и с оружием в руках пойдут на буржуазии.⁴² «Если до конца октября не будет миру, — писал 24 октября 1917 г. солдат 5-й армии, — то солдаты придут в Петроград и переколют все Временное правительство».⁴³ Подписание неизбежности гражданской войны, суровой борьбы за осуществление своих прав ставшими, таким образом, основным мотивом многих писем рабочих, солдат и крестьян.

Выступая против империалистической войны, представители революционных масс России в своих письмах поднимаются до понимания необходимости устранения Временного правительства, не верит больше демagogическим заявлениям и обещаниям вождей мелкобуржуазных партий. Поделившись с Церетели, разлагавшимся в силу и бесспособности русской армии после свержения царизма, солдаты 13-го Финляндского стрелкового полка писали, что во слове о силе армии «далека от горластой действительности».⁴⁴ Авторы многих писем отмечают, что теперь уже не может идти речь «о слезном подчинении» Временному правительству, проводящему антинародную политику. Крестьянин М. Фролов писал в мае 1917 г.: «Если министры не исполняют воли народа, то доверие и последнее отнимается. Я как крестьянин считал бы советским просить доверия и самому не исполнять воли народа».⁴⁵ Солдаты с фронта все чаще и чаще обращаются к Петроградскому Совету и непосредственно к рабочим с призывом «не доверять и следить за Временным правительством».⁴⁶ Наставив на немедленном заключении мира, солдат действующей армии П. Мизяков писал в мае 1917 г. Петроградскому Совету: «Так следовало бы вам, господа депутаты, приступить поскорей к вопросу о мире, а если не теперь, то когда-либо, пожалуй, будет поздно».⁴⁷

⁴¹ ЦГАОРС, ф. 7384, оп. 9, д. 272, л. 126.

⁴² ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 59, лл. 55 об., 138 об., 174.

⁴³ Там же, д. 61, л. 114 и об.

⁴⁴ ЦГАОРС, ф. 7384, оп. 9, д. 263, л. 20.

⁴⁵ Там же, д. 150, л. 107.

⁴⁶ ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 299, л. 87 об.; ЦГАОРС, ф. 101, оп. 1, д. 29, л. 63 об.

⁴⁷ Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. Цикл демонстраций. Документы и материалы, М., 1959, стр. 336—337.

Наконец, в письмах все настойчивее начинают звучать требования о свержении Временного правительства. Выраженные в различной форме, эти требования свидетельствовали о том, что к осени 1917 г. Россия переживала кризис «сверху» и «снизу», т. е. стояла на пороге общенационального кризиса. Солдаты Казанского военного округа прямо призывали Петроградский Совет: «... сверните всех министров Временного правительства во главе с министром Керенским». Обращаясь к Петроградскому Совету, иркутяне рабочие и солдаты писали в сентябре 1917 г.: «Нужно действовать самостоятельно... Вы сами прекрасно знаете, что наши все покатые наминают, потому что ведь им не правится наша идея». ⁴⁸ Падшая Временное правительство «вольком и овечьей шкурой», группа солдат с Западного фронта требовала его замены «лучшими людьми из Совета рабочих и солдатских депутатов», которые, по их мнению, только и могли обеспечить им равенство и братство. ⁴⁹ Эта же мысль высказывалась и во многих других письмах. ⁵⁰

Отличительной чертой писем современников 1917 г. является наличие в них все нарастающей критики эсеро-меньшевистских Советов. В письме, адресованном Петроградскому Совету, Милоглюдов из Балаклавы еще в апреле 1917 г. писал: «Ничего Вы не достигли. Намешилась только форма, а люди остались те же. Те же представители капитала и крупные владельцы земельной собственности притяли из наших рук власть и продолжают старое дело». ⁵¹ Массы на собственном опыте убедились, что руководители мелкобуржуазных партий перешли встан прагов революции. Революционное воспитание и классовое чутье брали верх. В письме показательно в этом отношении писемю мандрагального солдата, который на основании контрреволюционной деятельности Керенского, Церетели и Чернова приходит к выводу, что эти люди сами из крупной буржуазии и помещиков (!). ⁵² «До чего довел этот паршивец Керенский нашу Русь, — писал один солдат из окопов в октябре 1917 г. — Он хотел быть Царем, но не сблизил его мечты». ⁵³

Предательская политика лидеров эсеров и меньшевиков и весь ход событий убеждали массы в том, что большинство есть та единственная партия, которая твердо и неколебительно выступает за дальнейшее развитие революции, за удовлетворение коренных требований народа. И чем ближе наступал решающий

⁴⁸ Революционное движение в России в июле 1917 г. Издательский кризис. Документы и материалы, М., 1959, стр. 410.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 208, л. 120.

⁵⁰ ЦГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 271, л. 89.

⁵¹ Там же, л. 245, лл. 157, 205; д. 272, л. 75.

⁵² Там же, д. 176, л. 121 об.

⁵³ ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 299, л. 87.

⁵⁴ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 61, л. 48.

момент борьбы с Временным правительством, тем отчетливее становилась в письмах мысль о поддержке революционными массами большевиков, возглавляемых В. И. Лениным. В упоминаемом нами письме группа иркутских рабочих и солдат писала в сентябре 1917 г., что в руководстве борьбой за социализм «Ленин должен быть выше всех остальных». ⁵⁵ Солдат Ф. Наконецный, обращаясь в октябре 1917 г. к В. И. Ленину, писал: «Мы, кавказские воины и фронтовики, читаем газеты и разбираем, что товарищ Ленин защищает наши интересы и старается повести нас по праведному пути... Мы солдаты Кавказской армии всецело присоединимся к товарищу Ленину. Мы согласны отдать всю власть партии и самому Ленину». ⁵⁶

Изучая письма рабочих, солдат и крестьян в Петроградский Совет, можно проследить, как повлияла революция на традиции, нравы, привычки и представления простых людей, на их отношение к старым институтам власти, религии и церкви. Обличение самодержавного строя, столетними державным народным массе в рабство, темноте и невежестве, отрицание возможности жить при монархии — один из основных мотивов многих писем трудящихся. «Теперь, когда сбросили иго Романовых, не должно быть возврата к монархическому строю, хотя бы конституционному, — писал в марте 1917 г. железнодорожник М. Сидоренко со станции Жмеринка. — Республика — вот что мы, граждане, желаем, вот что нас привлекает, вот что в предрастветном тумане видим и Вам заявляем, что, кроме Республики, ничто нас не удовлетворит». ⁵⁷ С первых же дней революции рабочие, крестьяне и солдаты требуют удаления с постов монархических и им царских сановников, ⁵⁸ замены «романовского двуязычного стервятника», ⁵⁹ исключая из обихода слов, «унижающих человеческое достоинство», ⁶⁰ выступают против ношения формы, «что была при царизме», ⁶¹ против пьянства и употребления бранимых слов, как последия прежнего режима. ⁶²

Показательно в этом плане и отношение простого народа к самой личности царя. Малограмотный солдат присылает в газету стихи о том, как «огнили власть монархичную, прастые мужики, отняли власть у Коленьки и да хоть и пастьху». ⁶³ Во многих письмах содержится требование суда и расправы с ненавистным самодержцем, его семьей и приближенными. ⁶⁴ «Вышнему

⁵⁵ Там же, д. 298, л. 120.

⁵⁶ Там же, д. 59, л. 106.

⁵⁷ ЦГАОПС, ф. 784, оп. 9, д. 176, л. 13.

⁵⁸ Там же, д. 150, л. 81 об.

⁵⁹ Там же, л. 21.

⁶⁰ Там же, д. 176, л. 31.

⁶¹ Там же, л. 223 об.

⁶² Там же, д. 183, лл. 87, 91 и об.

⁶³ Там же, оп. 7, д. 11, л. 38 и об.

⁶⁴ Там же, оп. 9, д. 176, л. 180 об.

царю кровопийце место в Шлиссельбургской или Петропавловской крепости»,⁶⁵ — такой мотив многих писем, адресованных в Петроградский Совет. Однако царизм, опираясь на насилие, одновременно поддерживался вековыми традициями подчинения, освободиться от которых сразу и полностью были довольно трудно, особенно лабитами и нещекотливыми слоями населения. В некоторых письмах отмечается, что народ «еще не привык смотреть на царя и его приближенных как на смертных людей с пороками и недостатками. Не привык разбираться в поступках своих правителей, потому что слишком укоренилось поклонение царю».⁶⁶ Содержание некоторых писем свидетельствует о том, что наиболее отсталые в политическом отношении солдатские массы, имея смутное представление о формах правления, в первые дни после Февральской революции продолжали свивать разрешение своих нужд с «хорошим царем». В письмах можно встретить такие фразы: «Хорошо было бы, если бы нам дали республику с добрым царем» или «У нас будет республика с новым царем».⁶⁷

Отличительной чертой общественной психологии в России после свержения самодержавия является новое отношение к религии, церкви и духовенству. Авторы многих писем выражают бесспорно по поводу того, что религия и церковь — «одна из самых важных сторон народной жизни, один из самых основных устоев самодержавия» — оказались незатронутыми изменениями.⁶⁸ В письмах периодов рабочих и солдат активизируется требование провести четкую контрреволюционного духовенства, направить служителей церкви воевать на фронт.⁶⁹ Вместе с тем авторы ряда писем выступают за осторожную критику религии. Петроградский рабочий А. Вышнегорский пишет, что «народ, который 300 лет не допускался к образованию, без подготовки не должен быть развращен умственно через печать, которая желает погрязть все, что ему было свята».⁷⁰ В письме солдата действующей армии М. Амцелюва содержится приказ «все новые религии приходить только через религию и религий, помните, что мы свята, православная Русь».⁷¹

Однако, как можно видеть из писем, даже религиозные верования претерпевают изменения, обретают новое содержание. Один из верующих сообщает в Петроградский Совет, что проповеди, прочитанная 26 марта 1917 г. в церкви Военно-медицинской академии, «действует на массу разрушающе», так как в ней

⁶⁵ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 53, д. 65, лл. 58—59.

⁶⁶ ЦГАОРС, ф. 7384, оп. 9, д. 176, л. 179 и об.

⁶⁷ ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 5, д. 28, л. 9.

⁶⁸ Там же, д. 150, л. 183.

⁶⁹ Там же, д. 244, л. 11.

⁷⁰ Там же, д. 183, лл. 13—14.

⁷¹ Там же, д. 150, л. 72.

содержителю «ужор Великой революции».⁷² Он возмущен тем, что его просьба отслужить молебен в честь шивших борцов за свободу была оставлена без внимания.⁷³ «Русский народ так много страдал и молился за кого прикажут, — ищет другой верую-щину. — Теперь он добыл свободу, он уже не должен молиться за кого ему прикажут. . . Русской церкви сначала должно упоми-нать за свободный русский народ».⁷⁴ Авторы многих писем, ука-зывали на широкое распространение религиозных верований в народе, предлагают и церкви читать только революционные молитвы, так как, по их мнению, это будет способствовать раз-витию революции.⁷⁵ Интересно отметить, что даже монахи Але-ксандро-Невской лавры обратились в марте 1917 г. к Петроград-скому Совету, как «справедливому ослоту правды», с просьбой об удалении из лавры архимандрита Филарета — «исверга, ти-рана. . . развратника, пропойцы».⁷⁶

Письма в Петроградский Совет рабочих и солдатских депута-тов дают богатый материал для изучения настроений обывателя, который, несмотря на заявления о своей аполитичности, беспар-тийности, о желании жить «своими личными убеждениями» (по словам одного из них, это «спокойнее и здоровее»⁷⁷), хочет, чтобы с ним считались, стремились клясть на развитие политиче-ских событий. Петроградский обыватель, выражая свое отноше-ние к апрельской демонстрации рабочих и солдат, сравнивал: «Такое право несколько сотен обитых с тонку темных солдат и рабочих, стражающих лдом большевистской пропаванды, имеет решать нашу судьбу?»⁷⁸ Как показывают многочисленные письма, очень скоро после свержения царства обыватель разоча-ровывается в революцию. «Говорит уже о превосходстве монар-хии, так как был „поридок“», — писал в марте 1917 г. Г. А. Паш-ков из Шуи.⁷⁹ «Я всегда был далею от политики, — заявил петроградский обыватель, — но откровенно скажу, что при Ни-колае II жилось спокойнее, справедливее и устойчивее».⁸⁰ Папу-гаиной размахом революции, обыватель кричат: «Верите лилад свободу с революцией. Нам лучше жилось прежде, без свободы и товарищей. Пусть лучше ограниченная монархия».⁸¹

«Чернь, кляла перх», — таюва оценка Февральской бур-жуазно демократической революции петроградским обывателем.⁸²

⁷² Там же, д. 148, л. 46.

⁷³ Там же, л. 47.

⁷⁴ Там же, д. 150, л. 110.

⁷⁵ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 53, д. 3, л. 5 и об.

⁷⁶ ЦГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 138, лл. 1—2.

⁷⁷ Там же, д. 176, л. 30.

⁷⁸ Там же, д. 130, л. 141 об.

⁷⁹ Там же, д. 176, лл. 80—81.

⁸⁰ ЦГАОР, ф. 6078, оп. 1, д. 298, л. 59.

⁸¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 53, д. 69, л. 182.

⁸² ЦГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 178, л. 50 об.

Первые же выступления рабочих и солдат произвели на него такое сильное впечатление, что он заявил: «Нельзя ли уйти не к меру забывшихся солдат... Подурачился, пора и честь знать».⁸³ В письме другого обывателя осуждаются якобы чрезмерные требования столичных рабочих, поэтому, пишет он, «каждому здравомыслящему человеку остается лишь с глубокой скорбью в душе отойти в сторону и ждать исхода».⁸⁴ По мнению обывателя, в результате революции «общественный мaelник слишком качнулся влево, потому, если не принять мер, то может также качнуться вправо».⁸⁵ В представлении киевского обывателя Временное правительство явилось «лишь исполнителем воли пролетариата».⁸⁶

Охваченный страхом за свою судьбу, не видя выхода из создавшегося положения, обыватель становится на сторону сил контрреволюции. «Дайте власть, пустьте немца, — предлагает он в мае 1917 г. — и все сволочь уймется, тоска и мрак кругом, грустно, у меня нет партии, и хочу порядка».⁸⁷ Обеспечить порядок, по мнению обывателя, способна только твердая власть. Поэтому с первых же дней после падения самодержавия в Петроградский Совет начинают поступать письма с предложением выбрать диктатора. Еще в марте 1917 г. обыватель предлагает: «Мне предложение — выберите военного диктатора. Только скорее. Выбирайте поканибудь хотя бы на три месяца, лишь бы только порядок установился».⁸⁸

Характерно, что с наступлением контрреволюции смелее становится и обыватель. Реализуя на польские события в Петрограде, он требует «обуздать демонстрантов выстрелами и небольшие раны и даже убить... Без жертв мы не будем иметь покоя, а только отсечку и шоображаемый покой».⁸⁹ В этот период во ВЦИК Советов и Петроградский Совет направляется масса обывательских писем, в которых содержится требование расправиться с рабочими и солдатами, возглавляемыми большевиками, выдвигаются предложения о создании «гражданских батальонов порядка» для охраны Временного правительства.⁹⁰

Новый режим кажется обывателю несправедливым прежде всего тогда, когда затронуты его личные интересы. В этом случае, как это видно из одного предельно антимарксистского письма, он способен обратиться даже к самой левой из оппозиционных партий — большевикам. Как пишет в этом письме обыватель, он,

⁸³ Там же, л. 181.

⁸⁴ Там же, л. 169.

⁸⁵ ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 298, л. 180.

⁸⁶ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 53, д. 65, л. 2.

⁸⁷ ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 297, л. 5 об.

⁸⁸ ЦГАОРСС, ф. 7354, оп. II, д. 176, лл. 40—41 об.

⁸⁹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 53, д. 69, л. 85.

⁹⁰ ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 256, лл. 3—5, 7—8, 13—14.

возмущенный несправедливым распределением дров, в мае 1917 г. «спаял извозчика за 5 руб. по дворцу Кшесинской, чтобы посоветоваться с Лениным, но его, к сожалению, не застал самого, и пришлось объяснить свое дело ученику его».²¹

Мы попытались выявить значение писем, адресованных Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов в 1917 г., для изучения общественной психологии в России в период подготовки Октябрьской революции. Эти письма являются весьма ценным источником, на основании которого можно судить о том, как революционные массы России осмыслили в 1917 г. происходившие политические события, воспринимали новые идеи и лозунги, как политическая жизнь воледействовала на взгляды, убеждения, настроения и иллюзии народа. Несомненно, что письма современников Октябрьской революции должны стать предметом внимательного изучения исследователей, будет широко использоваться в публикациях документов по истории Октябрьской революции.

М. И. ПРОШИНКОВ

ИЗУЧЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО АКТА (конец 1917 г. — начало 30-х годов)

Настоящая статья посвящена изучению и отечественной историографии первых советских декретов, опубликованных в период с 25 октября 1917 г. по февраль 1918 г., который, как известно, В. И. Ленин назвал периодом триумфального шествия Советской власти. Сложность поставленной задачи совершенно очевидна. Достаточно сказать, что на настоящее время и литературе нет даже сколько-нибудь полного библиографического обзора источниковедческих работ о конкретном законодательном акте, не говоря уже о полувековую историю, не говоря уже о специальных историографических исследованиях на эту тему. Необходимо иметь в виду и другое обстоятельство. Пожалуй, нельзя назвать книгу или статью о Великой Октябрьской социалистической революции и первых шагах принципиально нового в истории государства рабочих и крестьян, где бы в той или иной степени не говорилось об основных декретах Советской власти. Поэтому автор стремился, по возможности, охватить и рассмотреть лишь те работы, которые были специально посвящены первым декретам Советской власти или же представляют определенный интерес для их исследовании как одного из важнейших источников по истории Великой Октября и начальному периоду существовавшего пролетарского государства.

²¹ ЦГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 150, л. 52.